

Следует отметить, что явка с повинной рассматривается на практике не только как повод для возбуждения дела: в качестве доказательства в порядке ст. 84 УПК РФ используют протокол явки с повинной. При этом, учитывая, что присутствие защитника не обязательно при явке с повинной, ее происхождение и достоверность во многих случаях вызывают обоснованные сомнения, так как есть опасения применения к лицу насилия и иных средств с целью получения признания в форме явки, что уже отмечалось выше.

С точки зрения уголовно-процессуального закона явка с повинной не является показаниями, и к ней нельзя применить правила ст. 75 УПК РФ о недопустимости показаний, данных при отсутствии защитника, а, следовательно, использовать явку с повинной в качестве признательных показаний обвиняемого нет процессуальных оснований. Ряд авторов предлагает применять правило, предусмотренное ст. 75 УПК РФ, к явке с повинной по аналогии [10; 231], однако это прямо запрещено самим УПК РФ. На наш взгляд, признательное заявление лица может быть только основанием для допроса по уголовному делу, и лишь его показания, полученные на допросе, могут иметь доказательственное значение.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Признание лицом своей вины в совершении преступления на протяжении всей истории развития уголовного процесса играло роль важнейшего доказательства даже тогда, когда закон формально устанавливал иные правила. Изменения дефиниций, формулировок уголовно-процессуального законодательства, направленные на гуманизацию процесса расследования, не дают существенных результатов, так как за изменением формы не следует изменение сознания правоприменителей, а, следовательно, и практики: даже сегодня человек рассматривается не как цель, а как средство, подтверждением чему является применение насилия и поощрение самооговоров.

На наш взгляд, если признание вины является единственным полученным по уголовному делу доказательством, то оно не может быть положено в основу обвинения, какие бы сокращённые формы производства не предполагались и какие бы привилегии обвиняемому это не сулило. Однако, если имеется совокупность иных доказательств, подтверждающих виновность лица, то в обязательном получении признания лица нет необходимости, и это должно быть отражено в уголовно-процессуальном законе. Полагаем, что все вышеизложенное позволяет говорить о назревшем пересмотре роли и значения признания обвиняемого как доказательства в уголовном процессе, и даже о возможности отказа от отношения к признанию вины как к уголовно-процессуальному доказательству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьева Н.А. Историко-правовой анализ института признания вины в отечественном уголовном судопроизводстве /Н.А. Соловьева// Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. — 2011. — №1. — С. 210-221.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ: по сост. на 02.03.2016г. // Российская газета — 2001. — №249.
3. Куссмауль Р. Исключить показания обвиняемого из числа доказательств /Р. Куссмауль// Российская юстиция. — 2001. — №7. — С. 52-53.
4. Будников В.Л. Признание обвиняемым своей вины не является уголовным доказательством /В.Л. Будников// Российская юстиция. — 2007. — №4. — С. 44-53.
5. Андросенко Н.В. Признание подозреваемым, обвиняемым своей вины как доказательство по уголовному делу /Н.В. Андросенко// Мировой судья. — 2008. — №2. — С. 27-29.
6. Новиков С. А. «Я виновен!»: Доказательственное значение собственного признания вины в современном уголовном процессе России /А.С. Новиков// Известия вузов. Правоведение. — 2009. — №1. — С.141-157.
7. Апелляционное определение Красноярского краевого суда Российской Федерации от 11.09.13 по делу №22-6219-13 [Электронный ресурс]. — Документ опубликован не был. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 30.11.2015).
8. Мать оговорила себя, чтобы защитить сына. [Электронный ресурс] // СТОЛИЦА на Onego.ru: Интернет-газета. URL: <http://www.stolica.onego.ru/news/131471.html>. (дата обращения: 24.03.2016).
9. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 №58 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — №2. — С. 23.
10. Смирнов А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / Под общ. ред. А. В. Смирнова. 5-е изд., доп. и перераб. / Смирнов А.В., К.Б. Калиновский — М.: Проспект, 2009. — 311 с.

ПРАВО НАРОДОВ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ОТДЕЛЕНИЕ, КАК ОДИН ИЗ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Н.М. Мовсисян,
студентка 2 курса ИГиП ТюмГУ
направление «Юриспруденция»

movsisyan96@mail.ru

Научный руководитель:

В.Д. Бекетова,

старший преподаватель

**кафедры теории государства и права и
международного права ИГиП ТюмГУ**

Случаи выявления желания выхода нации из государства, реализации своего права на отделение часто вызывает проблемы. В системе международного права прослеживается абсолютное уважение прав каждого беспрепятственно выби-

рать пути своего развития, что является одной из принципиальных основ международных отношений. Это право отражено в принципе самоопределения народов.

С принятием Устава ООН данный принцип получил свое развитие еще более углубленно. Многочисленные документы ООН не один раз давали подтверждение принципу самоопределения. Особенно данный принцип отразился в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 года, Пактах о правах человека 1966 года, Декларации о принципах международного права 1970 года. В то же время и на данном этапе принцип самоопределения является основополагающим при решении проблем зависимых народов, поскольку субъектом самоопределения являются не государства, а народы. Самоопределение не должно осуществляться с позиций отделения в ущерб территориальной целостности и политическому единству суверенных государств. Но в противовес этому, если народ настолько крепок, что может беспрепятственно создать орган, который его может официально представить и выполнить любые публично-правовые функции, то всякие насильственные действия, препятствующие извне процесс самоопределения, могут рассматриваться как нарушающие принципы невмешательства и суверенного равенства государств.

Ученые, специализированные по политической юриспруденции, не всегда рассматривают «территориальную целостность государства» и «право наций на самоопределение» одновременно, вместе. Они или делят их между собой, или же вначале рассматривают «территорию», которую делить нельзя, и только потом «нации» (которые спокойно заменяются «народами», о чем я далее скажу), решающиеся на такие действия. Когда нации все же учитываются, то берутся внутригосударственные, без различия в их составе «малых» и «диаспоральных».

Реализация права на самоопределение, особенно в форме появления нового национально-государственного образования в условиях уже полностью разделенного всего пространства земли между отдельными государствами, входит в противоречие с принципами сохранения целостности существующих государств. Во всех документах, которые формулируют данный принцип, эта двойственность прослеживается.

Обращаясь к преамбуле Декларации ООН, которая в свою очередь является основополагающим документом, прослеживается явная коллизия между двумя утверждениями. С одной стороны, утверждается, что принцип равноправия и самоопределения народов является существенным вкладом в современное международное право, и его эффективное применение имеет первостепенное значение для содействия развитию дружественных отношений между государствами, основанных на уважении принципа суверенного равенства [8]. С другой стороны, в преамбуле говорится о том, что любая попытка, направленная на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности государства или страны или их политической независимости, несовместима с целями и принципами Устава [8].

Специальный раздел той же Декларации называется «Принцип равноправия и самоопределения народов». В нем говорится, что в силу принципа равноправия и самоопределения народов, закрепленных в Уставе ООН, все народы имеют право свободно определять, без вмешательства извне, свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава. Каждое государство обязано содействовать с помощью совместных и самостоятельных действий осуществлению принципа равноправия и самоопределения. Создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного народом, является способами осуществления этим народом права на самоопределение [8].

Но после этого заявления Генеральная Ассамблея ООН, словно спохватившись, заявляет, будто ничто в приведенных выше абзацах не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению и к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народа [8].

Это неслучайно — вот такое противоречие, такие странные структуры наблюдаются в самом главном документе, который сейчас хотя бы формально определяет миропорядок.

Реализация права на самоопределение должна выполняться исключительно согласно свободной воле соответствующего государства. Но должна быть реализована важная оговорка. Следует учитывать законные права и интересы других народов, которые проживают на соответствующей территории.

Что же касается российского права, то Конституция РФ [5], закрепляет в ч. 3 ст. 5 принцип самоопределения народов, входящих в состав РФ. Впрочем, российские юристы полагают, что народы России уже воспользовались этим правом, путем создания в рамках Федерации свою государственность в различных формах ее выражения: республика, автономная область или автономный округ. Тем самым отечественные органы власти и часть российской юридической науки неосновательно ограничивают содержание права на самоопределение автономией, исключив при этом такую важную составляющую этого права как возможность создания собственного независимого государства.

Та же нить прослеживается в комментарии российского юриста. Он упоминает, что Конституция обеспечивает самоопределение народов в пределах Российской Федерации; ее субъекты не наделены правом выхода из состава Федерации [4]. Это положение согласуется с международно-правовыми нормами. В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 24 октября 1970 г., в разделе о принципе равноправия и самоопределения народов указывается, что ничто в нем не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов... и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории. Каждое государство должно воздерживаться от любых действий, направленных на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны [2]. Конституционный Суд в своем постановлении определил, что при реализации любого права, в том числе и права на самоопределение, необходимо признание и уважение прав других, в противном случае будет иметь место не осуществление права, а злоупотребление правом; не отрицая права народа на самоопределение, осу-

ществляемого посредством законного волеизъявления, следует исходить из того, что международное право требует при этом соблюдения принципа территориальной целостности и прав человека [7].

У авторов, бывает, получается, что вначале образовались государства, нарушать границы которых не стоило, и лишь потом нации, некоторые из которых себе это позволили. «Этносы» как бы по стовору остаются в стороне, а по «нациям» почти не различаются «титультные» в государствах, окружающие их «малые» и примыкающие к ним «этнодиаспоры» [1]. В том же духе не различаются варианты образования многонациональных государств, дележа приграничных земель соприкасающимися государствами, способные делить на части и нации. Все силы тратятся на разъяснение смысла положений о неприкосновенности границ, и не остается времени для учета причин устремленности «малой» нации или диаспоры нации другого «национального государства» к выходу из государства пребывания вместе со своей территорией.

Опять же видится проблема в определении понятий «нация» и «народ». Какое же из них все таки уместнее употреблять при рассуждении о таком принципе, как право на самоопределение? Спорность принципа на самоопределение усугубляется тем, что в рамках концепции самоопределения данное право дается «народам». А определение народа, которое зафиксировано в международных документах и судебных решениях допускает самые различные толкования. Признаки языка, расовой принадлежности и религии еще не дают возможности сформулировать определенные критерий, который позволял бы признавать или не признавать ту или иную общность народом. К тому же вплоть до настоящего времени в вопросах самоопределения предпочтение в международной практике государств отдавалось не романтическому этническому подходу, ставящую во главу угла этническую принадлежность, язык и религию, а подходу территориальному. В ходе распада по окончании холодной войны таких многонациональных государств, как Советский Союз, Чехословакия и Югославия, применялся принцип «как владеете», означавший, что границами новых независимых государств становились границы прежних колоний или республик прежних федераций, даже если это означало разделение сообществ, говорящих на одном и том же языке, исповедующих одну религию. Поэтому данный вопрос остается по сей день спорным и вызывает множество мнений и расхождений у видных деятелей. Подмена «нации» «народом», которые в многонациональном государстве не совпадают, не выручает.

В одном из новейших учебников международного права авторы высказывают свое мнение через призму того, что попытки реализации на практике принципа самоопределения отдельными народами, пребывающими в составе уже сложившихся государств, породили множество политических и правовых проблем (Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия, Приднестровье, Косово, Курдистан и др.). В их основе — глубокая коллизия между двумя императивными принципами международного права: самоопределения народов и территориальной целостности государств. Борющийся народ ссылается на свое право самоопределения, а центральная власть государства, на территории которого пребывает данный народ, объявляет борьбу противоправной, поскольку она нарушает принцип территориальной целостности государства, угрожает его единству, ведет к ущемлению прав других народов. Но государства мира в этом вопросе пока проявляют непоследовательность, признавая правомерность борьбы за одними народами (например, Косово) и считая ее противоправной у других (например, Абхазия или Приднестровье) [7].

В совокупности всех случаев несоблюдения положений о «праве наций на самоопределение» и «территориальной целостности государства» познавательно важны те, где малая нация или этническая диаспора потеряли желание быть в государстве нахождения, неродном государстве, решились на обособление. Важны не те случаи, где государственная власть пошла на отделение от себя малой нации. Важны случаи, в которых вместо встречного движения у власти общего государства было обращение к вооруженным действиям без остановки перед гражданской войной, где обращение сепаратистов к помощи родного государства, если оно есть (у диаспор, а не у «малых» наций»). Но после этого получилась межгосударственная война. Чтобы такой войны не было, осуждаемого нарушения «территориальной целостности» не стало, решимость на захват власти.

Расширение государственной территории с безоговорным захватом соседних территорий, обжитых людьми, осуществлялись, исходя из множества соображений. В этом составе: присвоение накопленных ценностей, выход к природным ресурсам, увеличение рабочей силы, расширение товарного рынка, увеличение численности налогоплательщиков, наращивание величины бюджета с собственным, волевым его использованием, наращивание военной мощи и др. Это давало «малые» нации, диаспоры.

В том случае, если государство — агрессор нападало, то граждане не всегда относятся к этому положительно. Другое дело, когда государство строится несколькими нациями по договоренности, когда вступают соседнее государство добровольно (Грузия в Россию). Но завоевательно-присоединительный вариант непременно и вечно переживаний новым поколениям не дает. Если окружены, включены в свое государство люди экономически, интеллектуально отсталые, а их стали «поднимать», развивать, обогащать, то, конечно, у присоединенной части возникает чувство довольства и благодарности. Но, если наоборот, дополнительная часть населения была неплохо развита, стояла на высоте, а на новом месте проигрыш, то разыгрывается социальное недовольство. Хуже, если природные ценности достаются себе не по преимуществу, родное государство имеется, но там прогресс, интенсивный.

Малой нации, диаспоре бороться за свободу легко, когда мировое общественное мнение осведомлено о правовом неравенстве наций в государстве нахождения, сильной подчиненности остальных наций «титультной». То же с недовольностью гражданам подчиненной нации свобод. Выигрышно показывать им притеснения. Это облегчает обращение к помощи родного государства, а при его отсутствии даже и к «не родным». Но возникает сложность.

Войны Грузии с Абхазией и Южной Осетией, что случилось после распада СССР, были спровоцированы не этими автономными областями, а Грузинской республикой. Грузия заимела в Абхазии немало грузин, которые претендовали на исключительное право занятия чиновничьих должностей. Трудно обособить по такому поводу Южную Осетию, если учесть слабую аборигенную позицию этой национальной группы. Чтобы действовать было легче, эти автономии были упразднены. И только после этого было объявление потерпевшими дополнительных независимых государств. Но это уже «нарушение территориальной целостности», инициированное не подчиненными нациями, а «титультной» без политической дальнорор-

кости ее политиков. Раз военные действия начала Грузия, России пришлось вмешаться, но ее «агрессором» назвать не смогли.

Под категорию «агрессор» подошла Армения, на определение чего решились в Баку. Армения не переселяла армян в Нагорный Карабах для осуществления там сепаратистских действий. Когда по требованию И.В.Сталина эта намеченная для включения в состав Армении автономная область была отдана Азербайджану [3, с. 55], там большинство жителей было армянской национальности. Они стали действовать в интересах суверенности мирно, конституционно, через референдум, который со временем был проведен и в Крыму по поводу вступления этой территории в состав России. Не все в Азербайджане осведомлены о том, что в Нагорном Карабахе 10 декабря 1991 г. был проведен референдум о выходе этого региона из состава Азербайджана с поддержкой этой решимости 99,89% жителей этой территории. Но как можно признать референдум, если нужно сохранять «целостность государства»? Другое дело, если бы референдум был осуществлен на всей территории Азербайджана..., но без опроса армян Нагорного Карабаха.

После этого азербайджанцами были начаты военные действия, с проигрышем. Но после этого Армения — «агрессор». Никаких переговоров с новой властью самопровозглашенной республики быть не может!

С журналистами, учеными следует согласиться в том, что не позволительны захватнические действия, не обусловленные внутригосударственными межэтническими сложностями. Но вторжение может готовиться с выходом заинтересованного государства (например, США) на оппозицию нужной страны платными заказами незаконных действий, в борьбе с которыми местная власть станет действовать жестко, а не «широко демократично». Тогда происходит ввод иностранных войск, но это не агрессия, а наведение «порядка».

Таким образом, говорить о беспрепятственном отделении нации (народа) из состава государства не представляется возможным. Властям крупных, многонациональных государств, тех, в которых есть нации «малые», этнодиаспоры, интересует в первую очередь положение о важности сохранения «целостности государственной территории», а не о «праве на самоопределение». Состав международных законов не определил приоритетный вариант между спорами о коллизии права наций на самоопределение и права власти государства на сохранение целостности своей территории, что в свою очередь довольно таки серьезно усложняет реализовать право на отделение, которое состоит в рамках понятия принципа права на самоопределение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адиебян О.А. Этнодиаспорология. — Саарбрюккен (Германия): Palmarium: Palmariumacademicpublishing, 2014. — 96 с.
2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.
3. Каспарян В.Р. Причины социальных противоречий, приведших к политическому кризису и ликвидации НКК // Армения. Общественно-политический и информационный сборник клуба мировой и национальной истории. №Пятигорск: Фонд «АПАКИДРИФ», 2005.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным референдумом 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ) // Рос. газ. 1993. 25 дек. №237.
5. Международное право: учебник / отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. 2-е изд. М.: Норма, 2007. С. 216.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 марта 1992 г. N 3-П "По делу о проверке конституционности Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР от 30 августа 1990 года, Закона Татарской ССР от 18 апреля 1991 года "Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Татарской ССР", Закона Татарской ССР от 29 ноября 1991 года "О референдуме Татарской ССР", постановления Верховного Совета Республики Татарстан от 21 февраля 1992 года "О проведении референдума Республики Татарстан по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан".
7. Устав ООН. Пункт 4. Ст. 2.; 1945. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>.

COMPARATIVE ANALYSIS OF CIVIL SERVICE STANDARDS IN RUSSIA, THE UK AND THE USA.

А.Ю. Молчанова,
студентка 3 курса ИГИП ТюмГУ
направление «Государственное и муниципальное управление»
sasha-m-246ss@yandex.ru
Научный руководитель:
Я.В. Смагина,
старший преподаватель кафедры иностранных языков и
межкультурной профессиональной коммуникации
экономико-правовых направлений ИГИП ТюмГУ

One of the most crucial factors in the development of the state is the quality of its governance. The country's future depends on it. The states are aware of the urgency and importance of this sector's development and improvement, thus, the related reforms are ongoing.

We selected the standards of civil service in the United States, the UK and Russia for our comparative analysis, as the considerable changes have occurred during the last time period in civil service regulations of these countries.

Our comparison will be based on the following categories:

- the focus of recent reforms in civil service;
- the legal framework;